

Тараканье мыло

В наших-то правителях дураков все-таки много было. Иной удумает, так сразу голова заболит, как услышишь. А хуже всего с немцами приходилось. Другого хоть урезонить можно, а этих — никак. Свое твердят:

— О! Я ошень понималь!

Одному такому — не то он в министрах служил, не то еще выше — и пришло в башку наших горщиков уму-разуму учить. По немецкому положению, первым делом ученого немца в здешние места привез. Он, дескать, новые места покажет, где какой камень искать, да еще такие камни отыщет, про которые никто и не слыхивал.

Вот приехал этот немец. Из себя худощавый, а видный. Ходит форсисто, говорит с растяжкой. В очках.

Стал этот приезжий по нашим горочкам расхаживать. По старым, конечно, разработкам норovit. Так-то, видно, ему сподручнее показалось.

Подберет какой камешок, оглядит, подымет руку вверх и скажет с важностью:

— Это есть желесный рута!

— Это есть метный рута!

Или еще там что.

Скажет так-то и на всех свысока поглядывает: вот, дескать, я какой понимающий. Когда с полчаса долдонит, а сам головой мотает, руками размахивает. Прямо сказать, до поту старался. Известно, деньги плачены — он, значит, видимость и оказывал.

Горное начальство, может, половину того пустоговорья не понимало, а только про себя смекало: раз этот немец от высшего начальства присланный, не прекословить же ему. Начальство, значит, слушает немца, спины гнет да приговаривает:

— Так точно, ваше немецкое благородие. Истинную правду изволите говорить. Такой камешок тут и добывался.

Старым горщикам это немцево похождение за обиду пришлось.

— Как так? Все горы-ложки исходили, исползали, всякий следок-поводок к камню понимать можем, а тут на-ко — привезли незнамого человека, и будто он больше нашего в наших местах понимает. Зря деньги бросили.

Ну, нашлись и такие, кто на немецкую руку потянул. Известно, начальству угодить желают. Разговор повели: он-де шибко ученый, в генеральских чинах, да еще из самой середки немецкой земли, а там, сказывают, народ вовсе дошлый: с тараканов сало симают да мыло варят.

За спор у стариков дело пошло, а тут на это время случился Афоня Хрусталец. Мужичонка еще не старый, а на славе. Он из гранильщиков был. Места, где дорогой камешок родится, до пятнышка знал. И Хрустальком его недаром прозвали. Он, видишь, из горных хрусталей, а то и вовсе из стекла дорогие камешки выгонял. И так ловко сделает, что кто и понимающий не сразу в этой афониной поделке разберется. Вот за это и прозвали его Хрустальком.

Ну, Афоня на то не обижался.

— Что ж, — говорит, — хрусталец не простая галька: рядом с дорогим камнем растет, а когда солнышко ловко придется, так и вовсе заиграет, не хуже настоящего.

Послушал это Афоня насчет тараканьего мыла, да и говорит:

— Пушай немец сам тем мылом моется. У нас лучше того придумано.

— Как так? — спрашивают.

— Очень, — отвечает, — просто: выпарился в бане докрасна, да окатился полной шайкой, и ходи всю неделю, как новенький.

Старики, которые на немца обнадеживались, слышат, к чему Афоня клонит, говорят ему:

— Ты, Афоня, немецкую науку не опровергай.

— Я, — отвечает, — и не опровергаю, а про то говорю, что и мы не без науки живем и еще никто не смерил, чья наука выше. В том хитрости мало, что на старых отвалах руду узнать. А ты попробуй новое место показать либо в огранке разобраться, тогда видно будет, сколько ты в деле понятия имеешь. Пусть-ко твой немец ко мне зайдет. Погляжу я, как он в камнях разбирается.

Про этот афонин разговор потом вспомнили, как немец захотел на память про здешние места топазову печатку заказать. Кто-то возьми и надоумь:

— Лучше Афони Хрусталька ни у кого теперь печаточных камней не найдешь.

Старики, которые на немецку руку, стали отговаривать:

— Не было бы тут подделки!

А немец хвалится:

— О, мой это карошо знайт! Натураль-камень лютше всех объяснять могу.

Раз так выхваляется, что сделаешь — свели к Афоне, а тот и показал немцу камешки своей чистой работы. Не разобрал ведь немец! Две топазовые печатки в свою немецкую сторону увез да там и показывает: вот, дескать, какой настоящий топаз бывает. А Хрусталец все-таки написал ему письмо.

— Так и так, ваше немецкое благородие. Надо бы тебе сперва очки тараканьим мылом промыть, а то плохо видишь. Печатки-то из жареного стекла тобой куплены.

Горный начальник, как прослышал про это письмо, накинулся на Афона:

— Как ты смел, такой-сякой, ученого немца конфузить!

Ну, Хрусталец не из пужливых был. На эти слова и говорит:

— Он сам себя, поди-ко, сконфузил. Взялся здешним горщикам камни показывать, а у самого толку нет, чтобы натурный камень от бутылочного стекла отличить.

Загнали все-таки Афона в каталажку. Посидел он сколько-то, а немец-то так и не откликнулся. Тоже, видно, стыд поимел. А наши прозвали этого немца — Тараканье Мыло.